Саша Ирбе

ИЗЛОМ

Серия «Поэтическая библиотека»

12+

Исповедальность, искренность присущи практически каждому стихотворению, каждой строке Саши Ирбе, к какой бы теме она ни обращалась — будь то ощущение нервного пульса огромного города, или драматический разрыв с любимым человеком, или рассказы о разных женских судьбах. И постепенно приходит осознание, что стихо-творчество — это ее способ существования. Саша Ирбе не только пишет стихи, она общается со своими стихами, как с преданными спутниками жизни (…А в полночь мы домой бредем: / стихи и я — всегда вдвоем), им выплескивает свою боль (…но вдруг нежданно ночью зазвучали / и комом в горле подошли ко мне), с ними делит радость (Спасибо вам, мои стихи, / что вы так празднично легки…). В сборник «Излом» вошли как ранее опубликованные, так и новые стихи.

саша ирбе

излом

ВРЕМЯ

Предисловие

Новая книга Саши Ирбе — исповедь, голос женской души, ее отчаяние и надежда найти гармонию в этом мире, в этой переломной эпохе, в этом огромном городе, где рушатся мечты, где незаметно стирается и погибает в человеке человеческое, где некогда родная для поэта стихия стиха ощущается враждебной, не дающей возможности устроить личное счастье. Трагизм ситуации обусловлен извечной женской жертвенностью во имя Любви и невозможностью убить в себе творческое начало. Многоплановый конфликт разворачивается между героиней и ее возлюбленным, приводя к разладу с миром:

Он мне твердил: «Ты не гляди! Не надо!
В окно часами. Некрасив закат!».
Но мне весь мир тогда казался адом.
Мир был построен мной из баррикад. —

между героиней и ее стихами, приводя к противостоянию себе самой:

И я от них пыталась отбиваться,
от воинства неведомых стихов.
И верите?! Я стала их бояться,
как у подъезда пьяных мужиков. —

между любимым героини и ее стихами, приводя к разрыву отношений:

Сражаться он пытался со стихами,
ругался с ними, плакал, ревновал!
Но все они в момент решили сами:
он мне не нужен
и не важен стал.

И вот, казалось бы, из частного, личного опыта перед нами встает общая социальная проблема — творчество и быт, — с до сих пор неразрешенными вопросами: быть или не быть женщине в литературе? Возможно ли обрести женское счастье, не изменяя своей творческой сути?

Смешно! Одна осталась со стихами.
Но кто бы знал, как мне дались стихи
с их хрупкими, чудными позвонками,
похожими на линии руки.

<…>.
В который раз забвенье ли… Похмелье…
И ночи бесприютно глубоки…
Мои стихи не радость —
заключенье
в их тонкие и злые
позвонки!

Но именно стихи оставляют героине возможность возрождения, не дают погубить душу в бесчеловечном мегаполисе, где она уже научилась ходить смеясь «мимо тех, кто с протянутою рукой не от лени своей, от несчастья — в грязь». Короткое название книги «Излом» емко по заключенным в ней смыслам — это и разрыв с любимым, и прощание с прежней собой, и с безумием города, и с уходящей эпохой, отраженной в наивных глазах отца, с которой героине тоже приходится прощаться, осознавая вину перед погибшими солдатами, по-настоящему любившими родную землю и сейчас дающими ей спасительную надежду.

Б. Н. Тарасов, доктор филологических наук,
сопредседатель Правления Союза писателей России

ИЗЛОМ

В Москве

В МОСКВЕ

В этом городе,
обрученном
с самим собой,
пьющем колу и спрайт,
ближе к ночи — адреналин,
я запуталась в прах
со своей судьбой
среди сотен голов,
животов и спин!
Я лечу по бульварам,
гоню авто.
Дикой кажется
зелень земных широт.
Понимаю буквально —
творю не то!
И живу —
как на выдох —
наоборот.

В этом городе боль
от людских измен,
и не чувствуешь даже,
как воду пьешь.
В этом городе все
отдаешь взамен
лишь за то,
что ты попросту
в нем живешь.

И какая любовь?!
И покой
какой?!
Если вдруг научилась
ходить, смеясь,
мимо тех, кто с протянутою рукой
не от лени своей,
от несчастья — в грязь.

И какой тут поэт —
если даже кровь
и детей на снегу —

как обычный хлам!
Нас уже трепетать
не заставит вновь
никакой там Париж,
никакой Потсдам.

А ты смотришь уверенно и легко,
потому что мы оба с тобой
мертвы!
И пусть будет Москва
от нас далеко,
но останемся жертвами
мы
Москвы.

***

Приду на Патриаршие,
в руках блокнот крутя.
Начну стихи вынашивать,
как бледное дитя.

Потом пущу их ножками
по гулкой мостовой
гулять с детьми и кошками
вдоль глади вековой.

ТВЕРСКОЙ БУЛЬВАР, 25

С Кавказа к нам катится лето.
В окне на Тверском — белый дым.
Мне профиль родного поэта
не кажется больше родным.

Глядит он с портрета весь в белом,
тараня лица белизной.
Как много он в жизни наделал
своей скоротечной, земной.

Но помнят — всего «Незнакомку»…
«Двенадцать» — тугое литье…
И слог его строгий и тонкий,
как жен половецких шитье.

Гляжу я с утра на поэта,
и кажется мне, ни к чему
и двор за решеткой, и лето,
что к дому бредет моему.

Какое просторное нечто —
его на портрете глаза.
Мне кажется жизнь бесконечной,
раз эти глаза — образа.

Я шума не слышу с Тверского.
Весь мир затихает в окне,
и, точно еще до раскола,
Москва оживает во мне:

домишки в старинной оправе,
сады-огороды, коза
на нынешнем бродит бульваре
и светит берез бирюза.

Во мне отзывается эхом
весь ворох случившихся дней.
Поэт наблюдает со смехом
за странностью дикой моей.

Его я закрою руками,
но жаль, не заметит никто,

как вдруг оживают здесь сами
с портретов поэты в пальто.

И дом проходя этот низкий
с Тверского, никто не поймет,
никто не заметит, как близко
здесь таинство в доме живет,

что манят прохладные стены,
в чугунной оградке скользя.
В несменных — в них есть перемены,
а значит — иначе
нельзя.

***

Мне точно разорвали пуповину
с моею тайной матерью — Москвой.
Любимые бульвары — нелюбимы,
а дом мой — будто попросту не мой.

Молчат-трещат несносные проспекты,
и Воробьевы навевают сон.
Мои неоспоримые аспекты
отныне спорны. И со всех сторон.

Не выношу проклятый лязг трамваев,
глухую лживость древних позолот.
Я только в отдаленьи оживаю,
а вместе с ними все во мне умрет!

И, как червонный камень всех надгробий,
окрашенный в притворно-белый цвет,
в моей Москве живут другие боги,
а Бога милосердного в ней нет.

И вы себе не смеете признаться,
что с каждым годом будете мертвей
в том городе, в котором так боятся
вполне простых, естественных людей,

в том городе, в котором восхищенье
лишь мертвечине, джинсам и авто,
в котором Бог, как будто привиденье,
бредет ночами и творит не то.

Где изо всех окошек неоткрытых,
из всех закрытых наглухо дверей
так много смотрит кем-то душ убитых,
как над домами светит фонарей!

Где все черно, что было раньше белым,
все белое, что черным там звалось.
Мне этот город бьет по самым нервам,
ночами жжет до криков и до слез!

Мне этот город — никуда не деться —
как чаша бесконечного вина!

В его вине давно погрязло сердце,
и заполняет тело
тишина.

СТАРЫЙ ДУБ

Старый дуб помнит песенку эту,
что мы пели на пыльном Тверском.
Город плыл в ожиданьи рассвета
серебрящимся серым куском.

И влетали в него самолеты,
и въезжали в него поезда,
шли в него человечии роты —
привносили свои города.

В это время над миром летели
тройка ангелов, двойка чертей,
и они в этот город хотели
вселить близких по духу людей.

И они в этот город хотели
к струнам башен его снизойти,
чтоб в кремлевские синие ели
с неба новые души снести.

В это время бульварная стройка
разносила рычанье и мат
и на самой культурной помойке
рылось стадо культурных крысят.

В это время гроза начиналась
(только песенка наша неслась),
а у дуба душа разрывалась
и корявая ветка тряслась.

Повод к дубьей тоске неизвестен.
Может, вспомнил он те времена,
когда много признаний и песен
сохраняла в себе тишина,

когда мир по созвучиям оным
развивался… и вязы цвели…
когда плакал здесь Пушкин влюбленный,
восхищенный
своей Натали.

***

И не на кого опереться,
и не о чем поговорить!
Свое измученное сердце
могу любому подарить!

С утра шатаюсь по бульварам.
Мне больно от начала дня!
Я отдала бы сердце даром,
как ты толпе отдал меня.

В полузастывшем Камергерском,
на полусумрачной Тверской
я выбросить хотела б сердце
в контейнер мусорный пустой!

Но тащится, родное, рядом
и так тоскливо говорит:
«Прошу, любимая, не надо!
Не я болю — душа болит!».

Какие милые словечки:
«душа» и «сердце» — смех и дрожь!
Сиреневые человечки…
Древнеязыческая ложь…

Мой аммиак

***

Ты не пишешь,
и я не пишу.
Просто ходим по серой Москве.
Ты не слышишь,
и я не грущу.
Только мусор один в голове.

Сигаретный занудливый дым
огибает кварталы Тверской.
Я — одна, мы — одни, ты — один,
и закат бестолковый такой.

До утра ты в кафе будешь пить,
до утра не сумею уснуть.
Как мне эту весну пережить,
чтоб к тебе не прийти на чуть-чуть?

Между делом. Глумясь и смеясь.
В разметавшемся белом пальто…
Как в себе заглушить эту страсть?..
Точно зная,
что ты мне —
никто.

***

Над нашим домом спят колокола,
и радуга висит над нашим домом,
а впрочем, нет ни дома, ни кола,
и мы с тобой лишь издали знакомы.

И наша жизнь, похожая на бред,
нам вряд ли даст когда-нибудь сродниться.
В тебе живут и музыка, и свет,
а мне твой свет отныне только снится.

И грубая картина бытия
становится все жестче и яснее:
во мне исчезла музыка твоя
и я тогда исчезла вместе с нею.

***

Ты веришь в мои впечатления,
веришь в мой город.
Ты в городе этом
шагаешь по сонным бульварам.

Меня оскорбляет твой взгляд,
убивает твой холод.
Мне хочется видеть тебя
потускневшим и старым.

Но ты разбиваешь шатер,
раздуваешь валторны,
и звук твоих песен
доносится в город мой сонный!

Да, звук твоих песен
меня разрывает на части!
Ты был мне известен
под словом единственным «счастье».

И я ненавижу
твои чернокрылые взоры.
Мне страшно глядеть
в твои омуты и коридоры.

И я презираю тебя —
презираю свой город!
В нем каждые окна скорбят
об утраченном «скоро».

В нем к вечеру вспыхнет пожар,
в нем не будет покоя!
Ты — мой аммиак, мой кинжал,
мое сердце пустое.

СТРАННЫЙ ВЕЧЕР

Какой простой и странный вечер!
Уже когда-то был такой.
Единственно — мне стало легче
с тобой сродниться,
как с тоской.

Теперь чудес не замечаю.
Зачем мне в мире чудеса?
Ты не смотри, что я скучаю,
что я — не та.

Что от твоей невольной власти
стремглав теперь не полечу.
Я знаю, в ней не будет счастья!
Я не хочу.

До боли легкое молчанье
и разговоры ни о чем!
Меня тобою примечанье —
касание плечом…

Мое тобою удивленье!
С десяток рук чужих
и глаз
вокруг устроили круженье —
сближенье нас.

Какой простой и странный вечер.
Уже когда-то был такой.

Твоя рука
мне давит плечи,
как шар земной!

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru